

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С59

Соковенина, Елена.

С59 Импровизаторы. Саквояж мадам Ренар : роман [для старшего школьного возраста] / Елена Соковенина. М. : Самокат, 2020. — 392 с. : ил. — ISBN 978-5-91759-921-2.

Америка начала XX века и Россия наших дней. Двое друзей-авантюристов (если не сказать шарлатанов) не хотят «работать на дядю». Их мечта — заниматься любимым делом и зарабатывать много денег. Благодаря смекалке и редкому дару убеждения друзья становятся рекламщиками и без зазрения совести проворачивают одну авантюру за другой, обдуривая доверчивых людей. Куда заведут их приключения?

Елена Соковенина — писатель, журналист, копирайтер, финалист Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру» (2014, 2015, 2018) и конкурса «Новая детская книга» (2016). Работа над романом заняла долгих 10 лет и стала делом жизни.

ISBN 978-5-91759-921-2

© Соковенина Е., текст, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

Моему сыну

Дюк Маллоу перестал стучать на машинке, откинулся на спинку кресла и задумался. Как же передать, что реклама, как лавина, погребает под собой все, не оставляя выбора? Что она уже вынула из него всю душу? Что мечтал он совсем о другом? Что...

«...что человеку с надеждами и желаниями в наше время и деться-то некуда! — Лев Берёзкин решительно колотил по клавиатуре ноутбука. — Человек ведь хочет приключений, чудес, романтики!»

«...Какой там! Романтика умерла. — Дюк печально щелкнул патентованной зажигалкой „Лайтер“. — Лет пятьдесят уже, как ее совсем не осталось...»

«...Не осталось ничего живого. — Лев мрачно грыз зубочистку (натуральный бамбук). — Обезумевший прогресс, тотальный контроль и дикое одиночество — это и есть наше время!»

«Наступивший двадцатый век...» — Дюк снова остановился, прислушался: точно, звонил телефон.

«Двадцать первый век...» Завибрировал мобильный, экран засветился: «Федор».

1905 год

Берлингтон, штат Вермонт,

Соединенные Штаты Америки

Мистер Эзра Джосайя Саммерс, похоронный церемониймейстер, рукоположенный пресвитер общины Пустых последних дней, постоянный член-корреспондент Нью-Йоркского общества подавления греха, почетный председатель Общества трезвости, автор многочисленных публикаций в «Баптистском миссионерском вестнике», спустился из своего кабинета. Под его пышными рыжеватыми бакенбардами вздрагивали брыли.

— Мир и покой снисходит на того, кто всем сердцем постигает, что Христос жил и умер ради всех нас... Аллилуйя! — Мистер Саммерс сделал выразительную паузу.

— ...и муки его искупительной жертвы сопровождают нас ежедневно и ежечасно, на рассвете и на закате, на закате и на рассвете, от рассвета до заката, — заученно подхватил Джейк.

— Ибо на каждом шагу всех нас и каждого из нас подстерегают ловушки и искушения. И в одну из них, в эти врата праздности ума и похоти тела, попался мой сын! Что это? — Указательный палец мистера Саммерса хищно прицелился в стопку книг, лежащую на столе.

— Это... э-э... это сочинение мистера По, описывающее нравственное падение чад Его и борьбу Его за покаяние их.

— Та-ак! А это?

— Это про одного безумца, возомнившего себя Им, пошедшего против Воли Его, и сотворившего себе подобного из тел усопших чад Его, и создавшего чудовище, которое...

— Прекрасно! Ну, а это?

— А это сочинение мистера Жюль Верна, описывающее пребывание четверых путешественников на необитаемом острове без еды и питья, одним духовным усилием, к вящей славе Его.

Отец свистел носом.

— Ну, а это?

— А это... это...

ДРАМА

✧ В НОЧЛЕЖКЕ ✧

「 ЦИРК ДОКТОРА
ПОЛИДОРИ 」

ПРИВИДЕНИЕ ТЁТИ ЕВЛАЛИИ

То, что обложки украшали скелет, гремящий костя-ми по лестнице и пугающий пожилого джентльмена под хохот маленьких засранцев, цирковые кулисы, где явно происходит нехорошее, и дамочка, вылезаящая из окна в черной полумаске, еще оставляло шанс. Хотя, признаться честно, шанс очень маленький. Даже подна-торевшему в деле Джейку Саммерсу сложно было вы-крутиться, когда перед тобой вот такими буквами:

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОЛЯ СЫЩИКОВ НАТА ПИНКЕРТОНА

И ладно бы только это. Тут еще всякое, вполне от-вечающее названию:

— ПЯТИЦЕНТОВЫЕ — ИСТОРИИ

Мистер Саммерс сгреб всю стопку со стола. Затем, поддернув брюки, присел перед камином.

То, что делало жизнь Джейка Саммерса хоть немного сносной, гибло у него на глазах. Почти три года! Все накопления, обмен правдами и неправдами и даже мелкие кражи — поскольку возвращать взятое он не собирался.

— Роз! — Пресвитер ворошил кочергой книги, пачка в золе рукава. — Где вы? Несите трость.

Служанка вышла. Сейчас. Сейча-ас. Ну, где приглашение? Никто не хочет, чтобы Джейк Саммерс поднялся в кабинет?

Поняв, что всё будет гораздо хуже, Джейк отвел взгляд от дергающихся локтей отца. Порку, домашний арест можно пережить — наплевать! Но, что бы это ни было, теперь все кончено. Книги погибли...

2015 год

Рига, Латвия

— Федя! Федя, почему ты молчишь? Федя?! Неужели я не заслуживаю даже ответа! Ах, значит, не заслуживаю! Какой шарман! Может, объяснишь почему,

Федор? Я, кажется, с тобой разговариваю? Ты как, не собираешься отвечать? Шарман! Какой шарман!

Мать вышла. С двери посыпалась краска.

Не прошло и пяти минут, как мать ворвалась снова.

— Ну ладно. Допустим, у меня тяжелый характер. Но у тебя патологически отсутствует самокритика! Впадаешь в истерику от каждого замечания! Это просто какая-то мánишка величия, позерство, понимаешь? Ты боишься увидеть себя со стороны. Если бы ты задумался хоть на минуту! Человек, который признал свою вину, в силах исправить ситуацию. Она в его руках. Она в твоих руках! Федя! Федя, скажи что-нибудь! Это ненормально! Ведешь себя как больной!

Хлопнула дверь. Опять посыпалась краска. Минут через пять мать постучалась.

— Послушай. У тебя проблемы с социальной адаптацией. Я сейчас нашла хороший тренинг. Логика, эмоции, имидж, физиология — всё вот это. Представляешь, всего за три занятия!

Сделав паузу и не дождавшись ответа, она продолжила с прежним напором:

— Это не психология. Это мотивация. Просто мотивация. На три-то занятия ты уж как-нибудь напряжешься? Федя, правда. Один раз напрягись. Ты научишься действовать, Федя!

— Не хочу.

— Ты не хочешь того, чего еще даже не видел.

— И не хочу видеть. Потом не развидишь.

— Ты же меня даже не выслушал!
— Это опасно для нервной системы.
Опять хлопнула дверь.

— У тебя какая-то дикая потребность унижать, — неслось из коридора. — Я не понимаю. Я прошу тебя объяснить. Спокойно, хладнокровно, как взрослый. Федя. Федя?! ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ, В КОНЦЕ КОНЦОВ!

Солнце грело щеки, ветер гулял по волосам, и вообще погода с самого утра стояла такая, что до смерти захотелось стать счастливым — сразу и навсегда.

А почему нет? Небо так безмятежно чисто, река сверкает на солнце. Неужели и эта весна пройдет зря?

Джейк Саммерс сидел на валуне на берегу речки Винуски и запускал камешки в воду. Раз, запрыгал плоский камень, два... три... четыре-пять-шесть... семь — его камень нагло обогнал другой.

Спокойно, без паники. Федор Летний незаметно размял пальцы. В случае чего — сразу в табло, без предисловий.

Он повернулся и осмотрел чужака — от желтых кедов до больших карих глаз под сросшимися бровями. Маленький тощий тип близоруко щурился. Рот широкий, как у лягушки, ветер швыряет в лицо черные кудри до плеч. Взгляд уверенный. Застиранные джинсы и чистая белая майка.

Вот сволочь: ни слишком глубоко посаженных бесцветных глаз, ни брекетов, ни рыжего ничтожества на подбородке.

Незнакомец бесцеремонно устроился на соседнем обломке и тоже достал телефон. Вот тебя только тут и не хватало!

Порыв ветра. Чужак откинул с лица кудри. Федор тоже сгреб волосы назад. Рукой с телефоном потер зачесавшийся нос и — упс! — едва не уронил телефон в воду. Незнакомец взволнованно крикнул и тут же сделал безразличный вид. Федор покосился на него, но ничего не сказал.

Какое-то время сидели молча, погружившись в телефоны. Потом обменялись взглядами, встали и побрели по набережной, пиная друг другу попавшуюся пивную банку.

— Уехать? А на что вы жить будете, сэр? А чем вы будете питаться? — Дюк еле удержался на ногах, промазав ногой мимо штанины.

Оба только что вылезли из воды и теперь стучали зубами. Что уж тут притворяться: вода была очень так себе — конец апреля все-таки не лето. Да и Винуски течет с каких-никаких гор. На камнях возле воды еще попадались островки снега.

— До завтра как-нибудь обойдусь. Там посмотрим. А чем буду заниматься... Это, сэр, такое дело... Собственно говоря, я намерен поискать что-нибудь... чего-нибудь... Ну, только не смейся. Если коротко — приключений.

Повисла пауза.

— Ну, чтобы найти то, что мне нужно, — слишком быстро и слишком бодро продолжил Джейк, — надо же, чтоб что-то происходило!

Пауза затягивалась.

— Знаешь, как у мистера Жюль Верна, — с нагущенной беспечностью продолжал Джейк, — и Майн Рида, и...

— Стивенсон? — проявил осведомленность новый знакомый.

— И у него тоже. И у Фенимора Купера. И...

— Ну, Пратчетт, само собой.

— Филип Дик? Я про него сразу понял.

— Кто бы не понял! — согласился Федор. — И Пехов. И...

— ...и Азимов!

— Ты читаешь Азимова?!

— Я его всего прочел. Уже давным-давно.

— ...Или вот Конан Дойль.

— Ой, да! Конан Дойль — вещь! Только я его не читал, а смотрел.

— А я читал. И Эдгара По читал.

— И я читал.

— И Лавкрафта всего.

— И я всего. Только он слабоват.

— Да.

Лев долго молчал.

— Слушайте, Теодор. — Он сосредоточенно завязывал шнурок. — У вас такое сомнительное дело... Возьмите меня с собой?

Федор уперся взглядом в тот берег: Заячий остров с телебашней. Вдохнул и отвернулся. По Каменному мосту вдалеке медленно ползли машины и нудно дребезжал трамвай. Город, в котором никогда ничего не происходит.

— Ну возьмите, вам что, жалко? — Лев посмотрел новому знакомому прямо в глаза. — Я не знаю, чем хочу заниматься, ты не знаешь, чем хочешь заниматься, — почему бы нам и не знать этого вместе? Вдвоем веселее.

— Ты что, — Федор медленно обернулся, — ты это всерьез?

— А ты что, против?

— Против? Я? Да давай попробуем. Нормальное предложение, — пожал плечами Федор.

— Тогда пошли ко мне?

— А если передумаешь? Я ведь серьезно.

— И я серьезно.

— Еду неизвестно куда, ищу неизвестно что, без денег... — Федор, щурясь, смотрел вдаль. — Имей в виду, я не просто попутешествовать. Я хочу свое дело. И план мой называется «Тщательно спланированное ХЭЗ». Кто знает, сколько я буду скитаться. Ты что, тоже будешь скитаться?

— Ясен перец, буду скитаться!

— Уверен? Может, тебе кажется.

— Кажется? Не думаю. Тогда, раз мы едем вместе, пошли? Не знаю, что там у нас будет завтра, но сегодня могу предложить ужин и переночевать.

— А... м-м... против твои не будут?

— Отец точно нет. Ма...чеха у меня ничего такая, ну... женщина.

— А чем они занимаются?

— Она преподаватель. Французского.

— Ого.

Лев пожал плечами.

— С какой стороны посмотреть.

— Чего смотреть? Французский, небось, знаешь.

Лев усмехнулся:

— Ну да. А куда из подводной лодки? А из плохого у нас — отсутствие денег. Зарплата учителя — сам понимаешь.

— А отец?

— Физик. Он, как бы это сказать, изобретатель.

— Ого!

— Как посмотреть, сэр. Как посмотреть.

— Куда смотреть-то? Что плохого в науке?

Сын изобретателя усмехнулся.

— В основном — отсутствие денег. Не мог же я вот так сразу взять и сказать: мой отец — изобретатель-неудачник, потратил на судебные разбирательства всё и оказался в...

— Грустная история.

— Да, вот такая вот история. Сначала все было хорошо, отец даже премию получил от какого-то научного общества. За этот, как его, крошкособиратель.

— За что? — переспросил Федор.

* * *

— За что? — переспросил сын похоронного церемониймейстера.

Дюк перекинул пиджак через плечо.

— За крошкособиратель, говорю. С педальным генератором.

— Вот это да! — Джейк еле сдерживал смех.

— Потом, — новый товарищ двинулся по дороге, — какой-то хмырь подал на него иск: дескать, изобретение вовсе не отца, а его собственное. Пять лет, штук двадцать заседаний. Суд отец проиграл, знакомые показывали пальцем, вот и пришлось искать, куда бы переехать. Дела пошли не очень-то, и один знакомый предложил отцу читать лекции в здешнем университете. Да на них разве проживешь! Если бы не вакуумный ветрогон — ну, знаешь, пыль собирает, — просто не знаю, что было бы.

— Вакуумный ветрогон? Не такая ли это штука, которую по субботам возит от дома к дому старый Айзек Робинзон? «Почистить ковер, избавить от пыли»?

— Ну да, он самый. У отца он еще и окна моет, и карточки фотографические сушит, и шарики надувает.

— Ничего себе! — Джейк сощурился на солнце.

Прилетела пушинка и застряла в ветке бросавшего рваные тени на берег клена. Дюк осторожно ее отцепил и пустил по ветру. Молодые люди поднимались по ступенькам набережной.

— Последние два года мы только и делали, что переезжали, — продолжал Дюк. — Сначала Ажен. Потом Марсель. Потом Квебек. Я даже в школу толком не ходил. Меня учила... в общем, учился я большей частью дома.

— Значит, ты хочешь свой бизнес?

— Осталось решить какой.

— Мне все равно, но если нужен компаньон, он у тебя есть.

— Ты уверен, что не передумаешь?

— Я еще ни в чем не был так уверен.

Федор молчал. Он хотел сказать, что до встречи со Львом у него не было ни одного друга; что он готов ночевать на вокзале; что, трам-тарарам, у него есть мечта, а мечты должны сбываться. Иначе какой в них смысл? Но вместо этого выдавил:

— Да. Решил уехать.

— Да, парень! — усмехнулся изобретатель. — Порадовал мать, нечего сказать!

Федор открыл было рот, но отец Льва его опередил и задумчиво произнес:

— На твоём месте я поступил бы так же.

— Привет-привет! — Дверь в квартиру опять открылась. — У нас гости?

Мачехе Льва было около тридцати пяти — старенькая уже. Но карие глаза блестели, рыжие волосы были уложены простым узлом на макушке, вздернутый нос придавал лицу веселое выражение; большой яркий рот, казалось, постоянно улыбался, зеленая туника струилась вдоль тонкой талии, стройные ноги обтягивали легинсы.